

ЦЕРКОВЬ
ПРЕОБРАЖЕНИЯ
ГОСПОДНЯ

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК
май / июнь 2022 г.

Transfiguration of Our Lord Russian Orthodox Church

2201 E. Baltimore Street • Baltimore, Maryland 21231
Настоятель: Протоиерей Иоанн Барбус, тел.: (202) 386-25-61
Церковные запросы: (240) 997-98-38
Интернет: www.holy-transfiguration.org

ПОБЕДИТЕЛЬ СМЕРТИ

ХРИСТОС ВОСКРЕС! Он явился победителем смерти. Но спрашивается: кого же воскресший Господь освободил Своей победой над грехом и смертью? Людей только одного народа или одной расы? Людей только одного класса или общественного положения? Нисколько! Такое освобождение явилось бы, по сути, лишь немощной победой земных победителей. Господь не называется «евреелюбцем», или «греколюбцем», или «нищелюбцем», или «знатнолюбцем», но **«Человеколюбцем»**. Его победа предназначалась для всех людей, невзирая на различия, которые люди

воздвигают между собой. Он стал победителем смерти ради блага всех людей и для помощи всему созданному Им человечеству, и эту победу Он предлагает всем. Тем, кто принимает эту победу и разделяет ее, Он обещает вечную жизнь и сонаследство в Царстве Небесном. Он никого не принуждает к участию в Своей победе, хотя она и куплена такой дорогой ценой, но предоставляет людям свободный выбор. Как в раю человек свободно выбрал падение, смерть и грех от рук сатаны, так и сейчас он свободен выбрать жизнь и спасение от рук Христа-Победителя. Христова победа является бальзамом, живительным бальзамом для всего павшего человечества, оскверненного проказой греха и смерти.

Этот бальзам исцеляет больных, здоровых же делает совершенно здоровыми.

Этот бальзам воскрешает мертвых, живым же дарует полноценную жизнь.

Этот бальзам умудряет человека, облагораживает и обожает его; укрепляет его во стократ и даже в тысячекрат, и возвышает его, даже в его расслабленном состоянии, над всей тварью, приобщает его к славе и красоте Божиих ангелов и архангелов...

Приходите же все вы, братья мои, боящиеся смерти. Приблизьтесь к Воскресшему Христу-Воскресителю, и Он освободит вас от смерти и от страха смерти.

Приходите все вы, живущие под стыдом ваших явных и тайных грехов. Приблизьтесь к живому Источнику, Который оmyвает и очищает, и Который может чернейший сосуд соделать белее снега...

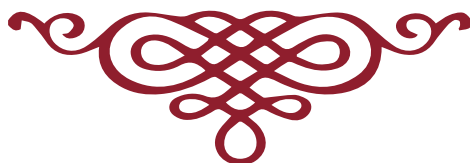
Преклонитесь перед Ним телом и душой. Соединитесь с Ним умом и помышлениями. Обнимите Его всем своим сердцем. Не поработителя чтите, а Освободителя; не с разрушителем соединяйтесь, а со Спасителем; не чужого принимайте, а своего самого близкого и родного Друга.

Воскресший Господь есть чудо из чудес, но одновременно, будучи величайшим чудом, Он обладает тем же естеством, что и вы — истинным человеческим естеством, первосозданным естеством Адама в раю. Истинное человеческое естество не было сотворено, чтобы быть поработленным окружающей его неразумной природой, но чтобы властвовать над этой природой. Таким же образом истинное человеческое естество не сотворено униженным, болезненным, смертным и греховным, но славным, здоровым, безгрешным и бессмертным.

Воскресший Господь разорвал завесу, разделяющую истинное Божество от истинного человечества, и показал нам Себя в величии и красоте обоих естеств. Никто не может познать истинного Бога, разве через Воскресшего Господа Христа; никто не может понастоящему познать человека, разве посредством веры в Христа-Спасителя.

Христос Воскресе, братья мои!

Епископ Николай Охридский (Велимирович)

ФОМИНО НЕВЕРИЕ

Христос Воскресе!

Закончились радостные дни светлой пасхальной недели.

Закрывает Церковь священные врата алтарей и устремляет мысленные и сердечные взоры наши к тому, как встретил мир весть о Христовом Воскресении.

И первый образ, который представляет нам Церковь — это образ Фомы неверующего.

Великая и непостижимая истина Христова Воскресения не могла быть постигнута человеческим рассудком и поистине могла явиться для него камнем преткновения и соблазна. Но вот здесь и раскрывается перед нами природа неверия.

«Обыкновенно, — говорит один христианский мыслитель, — истины веры отвергаются заранее не по грубости ума, а по лукавству воли. Нет сердечного влечения к таким предметам, как Бог, спасение души, воскресение плоти, нет желания, чтобы эти истины действительно существовали, или, по крайней мере, считаться с ними серьезно... Такое неверие, в сущности неуверенное в самом себе и потому более или менее озлобленное против тех предметов, существование которых оно отрицает, — этим озлоблением и выдает себя, потому-что нельзя же в самом деле сердиться на то, чего и нет совсем, — такое неверие недобросовестно...»

Не таково было неверие, вернее недоверие, Апостола Фомы. Он хотел верить, стремился к вере, искал удостоверения этой своей веры.

И Христос Спаситель, никогда не являвший Себя там, где было злостное и упорное неверие, снизошел к немощи Апостола Фомы, Сам засвидетельствовал ему Свое воскресение.

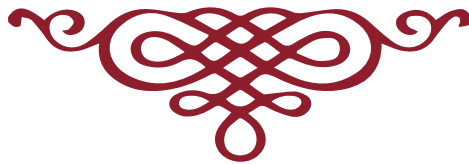
Для всех нас, конечно, поучителен этот образ, но особенно обращен он к тем, кто страдает от неверия, кого преследует соблазн немощной и не утвержденной веры.

Надо беречься больше всего, чтобы наша греховная воля не искала бы себе выхода в этой духовной немощи. Ведь, без веры легче жить. Вера требует напряжения, требует подвига, а неверие развязывает руки на многое.

Итак, брат-христианин, если чувствуешь ты, что оскудевает вера твоя, сознавай, что причина тут не в предметах веры, а в твоей ограниченности. И если это поймешь, то просветит тебя Бог, как просветил Апостола Фому, и снизойдет к тебе, как снизошел и к его немощи.

Иеромонах Мефодий

ПЯТИДЕСЯТНИЦА

Настоящим началом Церкви, моментом ее рождения, является праздник Пятидесятницы, или Сошествия Святого Духа на Апостолов. В десятый день после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, ученики Его и вместе с ними Матерь Божия, некоторые святыя женщины и уверовавшие в Христа иудеи собрались в одном доме на Сионской горе. Их было примерно 120 человек. По обыкновению, они проводили время в молитве и в ожидании Святого Духа, Которого Господь обещал послать им вместо Себя. И вот внезапно сделался шум с неба, как бы от сильного ветра, и наполнил весь дом, в котором они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почил по одному на каждом из них. И все исполнились Святого Духа и начали говорить на других языках.

В этот день был иудейский праздник Пятидесятницы, установленный в память получения иудеями закона на Синайской горе. По этому случаю в Иерусалиме было множество народа из разных стран. Услышав необычайный шум в воздухе, народ стал стекаться к дому, где были собраны апостолы. Люди немало изумились, услышав как каждый из апостолов стал возвещать им о великих делах Божиих на их родном языке. Недоумевая, они говорили друг другу: «что это значит?», а иные насмехались, говоря: «они напились сладкого вина».

Тогда апостол Петр встал и объяснил народу, что знание иностранных языков не приобретается посредством вина, да и как можно было укорять учеников в пьянстве, когда был девятый час утра?! То, что сейчас произошло, являлось исполнением пророчеств о том, что Святой Дух сойдет на каждого верующего в Господа Иисуса Христа. Эта первая проповедь апостола Петра умилила множество народа, и в тот день крестилось около трех тысяч человек. Таково было начало проповеди Евангелия, которое через святых апостолов и их учеников распространилось по всему миру.

С того момента, когда над учениками пронесся таинственный звук, подобный шуму ветра, и вспыхнули языки небесного пламени, они стали другими людьми. Они из учеников превратились в апостолов. Те, кто еще недавно в страхе бежал из Гефсимании, теперь начинают всемирную проповедь Евангелия. Их не останавливают ни угрозы, ни истязания, ни даже смерть. За ними шли новые и новые поколения свидетелей и мучеников за Христа. Против них вооружатся властители, философы, страшные соблазны — но распятые, сжигаемые, гибнувшие на аренах цирков — они устоят в силе Духа. Затем мутной волной нахлынут мнимые христиане, недостойные пастыри, лжеучители, раскольники и всякие еретики, но ничто не сможет сокрушить Церковь Христову. Сам Небесный Учитель обещал нам: «Создам Церковь Свою и врата ада не одолеют ее».

И вот, находясь в этот великий день Пятидесятницы в Церкви Христовой, мы празднуем ее установление и ее вечное торжество. Будем же молиться Господу, особенно во время чтения коленопреклонных молитв, чтобы и нас коснулась благодать Святого Духа, Который есть «сокровище благих и жизни податель».

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

О брачном пире

Притча о брачном пире, сказанная Господом почти 2.000 лет тому назад, как нельзя лучше описывает нашу современную жизнь, дорогие братья и сестры.

«Иисус сказал: подобно Царство Небесное царю, который сделал брачный пир для сына своего, и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти».

В наше время эти званые, которые приглашены на пир, — это мы с вами, дорогие братья и сестры, это все мы, православные христиане. Каждую неделю мы приглашаемся Господом на пир веры, т.е. на богослужения в церкви, но мы, к сожалению, мало чем отличаемся от тех званых в притче, которые не хотели прийти. Мы тоже не хотим, или редко когда хотим, ходить в церковь.

«Опять царь послал других рабов, сказав: скажите званым: вот я приготовил обед мой и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою».

И к нам Господь Бог все время посылает своих рабов — священников, иерархов, святых отцов, — которые зовут нас в церковь, увещевают нас приходить на службы, объясняют нам на словах и в писаниях, что спастись можно только в Церкви, что Господь все для нас приготовил, что в церкви, через таинства, особенно таинство Евхаристии, Он подает нам все нужные блага душевные и телесные... А мы? Мы тоже пренебрегаем их зовом, не слушаем Божиих слуг, пренебрегаем церковными службами, и уходим... уходим на развлечения, уходим на всякие мирские занятия, погружаемся в житейскую суету, наконец просто сидим дома и ничего не делаем, но только не приходим в церковь.

А что же случилось в притче с теми званными? Господь говорит: «Услышав о сем, царь разгневался... и говорит рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак, пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир».

Видите, дорогие братья и сестры, — если мы будем отказываться от зова Господня, будем лениться ходить в церковь, то мы окажемся недостойными, а став недостойными, мы лишимся всех благ, мы будем отвергнуты от пира веры, и вместо нас будут позваны другие. А мы тогда потеряем все — потеряем источник жизни, которым являются для нас Святые Дары, и можем потерять даже саму жизнь вечную.

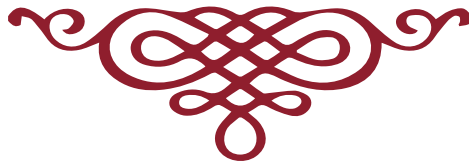
Но только приходить в церковь, оказывается, еще мало — нужно приходить еще и в правильной одежде. Как сказано в притче: «Царь, вошед посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду. Тогда сказал царь слугам:

возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Видите, дорогие мои, как важно входить в церковь в брачной одежде, и какая страшная кара за неподходящее одеяние! Но какая же это брачная одежда для нас с вами? Это — чистая душа. Если мы будем пребывать в церкви в небрачном одеянии, т. е. с душой, загрязненной грехами, то мы будем выгнаны вон, т. е. опять-таки лишимся всех духовных благ.

Дорогие братья и сестры! Нужно приходить в церковь как в духовную баню, и очищать одежду нашей души через таинство покаяния; тогда и мы будем не только в числе званых, но и избранных, тогда и мы будем целую вечность духовно пировать в Царстве Божием.

Иерей Ростислав Женилов

НЕВЕРОЯТНОЕ ДЛЯ МНОГИХ, НО ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Ниже печатается описание одного человека о том, как он был возвращен к жизни после смерти. Рассказ этот был напечатан в «Московских Ведомостях» в конце 19-го века. В 1916-ом году Архиепископ Никон, член Священного Синода, перепечатал статью в своих «Троицких Листках» со следующим примечанием: «Относительно этой статьи мы в свое время связывались с ее автором, который, подтвердив ее достоверность, засвидетельствовал нам, что сам рассказчик, описав свое происшествие, ушел в монастырь. Ввиду того, что в его описании нет ничего противоречащего учению Церкви о таинстве смерти и о жизни после смерти, мы считаем полезным эту статью перепечатать».

I.

Я не буду здесь распространяться о своей личности, т.к. она не имеет отношения к данному делу, но постараюсь описать себя читателю лишь в рамках моего отношения к религии.

Ввиду того, что я вырос в православной и довольно верующей семье, и затем учился в институте, где безверие не считалось проявлением гениальности студента, я не вышел гордым и сильно неверующим человеком, каковым было большинство молодых людей в мое время. По сути я стал чем-то неопределенным: я не был атеистом, но также ни в коей мере не мог считать себя верующим человеком, и ввиду того, что оба эти духовные состояния не являлись результатом моих убеждений, а были пассивно наложены на меня определенными силами окружающей среды, я попрошу самого читателя найти подходящее определение моей личности в отношении этого положения.

Официально носил имя христианина, но явно никогда не задумывался о том, имею ли я право на это имя; у меня никогда не было ни малейшего желания проверить — что именно наименование христианин требует от меня и удовлетворяю ли я этим требованиям? Я всегда говорил, что верю в Бога, но если бы меня спросили — как я верю, и как учит веровать Православная Церковь, к которой я принадлежу, — я несомненно попал бы в просак. Если бы меня затем спросили подробней, верю ли я, например, в наше спасение через воплощение и страдания Сына Божия, в Его второе пришествие судить мир, каковы мои отношения к Церкви, верю ли я в необходимость ее основания, в ее святость и наше спасение через ее таинства, и т. д. — я могу лишь представить себе, какие бы я дал нелепые ответы. Вот пример:

Однажды моя бабушка, которая всегда строго соблюдала посты, сделала мне выговор за несоблюдение постов.

— Ты еще здоров и полон сил, у тебя хороший аппетит, — следовательно, ты прекрасно можешь обходиться постной пищей. Как же это ты не можешь соблюдать церковные законы, которые нетрудны даже для нас?

— Но, бабушка, это совершенно неразумный закон, — запротестовал я. — Ведь ты ешь как бы механически, по привычке, и никакой разумный человек не подвергнет себя такому обычаю.

— Почему неразумный?

— Да разве Богу важно что я ем: ветчину или копченую рыбу?

(Вот прекрасный пример того, как образованный человек понимает суть поста!)

— Как ты можешь так говорить? — продолжала бабушка. — Разве можно назвать это неразумным законом, когда Сам Господь постился?

Меня поразил такой ответ, и лишь с помощью бабушки смог я вспомнить евангельское повествование об этом случае. Но тот факт, что я совершенно его забыл, нисколько не воспрепятствовал мне встать на путь противоречия, которое приняло довольно высокомерный характер.

И не думай, читатель, что я был глупей или легкомысленней остальных молодых людей моего круга.

Вот еще один пример.

Одного моего коллегу, который считался весьма начитанным и серьезным человеком, спросили: верит-ли он в Христа как Богочеловека? Он ответил утвердительно, но сразу же вслед за этим в разговоре выяснилось, что он отвергает Воскресение Христово.

— Послушайте, вы же говорите очень странную вещь, — возразила одна старушка. — По вашему верованию, что же стало с Христом впоследствии? Если вы верите в Него как Бога, как же вы одновременно допускаете, что Он окончательно умер, т.е. полностью закончил Свое существование?

Мы ждали от нашего интеллигента какого-нибудь скользкого ответа, каких-нибудь тонкостей относительно понятия о смерти, или какого-нибудь нового объяснения поднятого вопроса. Нисколько. Он ответил просто:

— О, я и не сообразил этого. Я только говорил что думал.

II.

Такое же состояние несовместимости идей внедрилось и во мне, и благодаря моей беззаботности, свило крепкое гнездо в моем уме.

Я как будто бы верил в Бога правильно, т.е. воспринимал Его как Существо личное, всемогущее, вечное; я признавал человека Его творением, но я не верил в загробную жизнь.

Хороший пример нашего легкомысленного отношения и к вере и к нашему собственному духовному состоянию виден в том, что я не знал об этом серьезном недостатке веры в себе, пока некий случай не вывел его наружу, как было и с моим вышеупомянутым коллегой.

Судьба свела меня к дружбе с серьезным и очень образованным человеком; вместе с этим он был весьма симпатичным и одиноким, и я любил время от времени навещать его.

Однажды, придя к нему с визитом, я застал его за чтением катехизиса.

— Что это, Прохор Александрович (так звали моего друга), вы готовитесь стать педагогом? — спросил я удивленно, указывая на книгу.

— Дорогой мой, какой там педагог! Было бы замечательно, если бы я мог стать хотя бы приличным студентом. Я далек от того, чтобы учить других. Я должен готовиться к экзамену. Посмотрите на седину в моих волосах — видите, она увеличивается с каждым днем; не успеешь оглянуться, как придется давать отчет обо всем, — сказал он со своей обычной добродушной улыбкой.

Я не принял его слов всерьез, думая, что раз он человек, любящий много читать, то просто он нашел нужду исправить что-то в катехизисе. Он же, явно желая объяснить мне странное для меня чтение, сказал:

— Мы читаем много всякой современной ерунды, а я тут проверяю себя, чтобы не сойти с правильного пути. Ведь вы знаете, что экзамен, ожидающий нас, очень строг, и строг даже в том, что не дается никакой переэкзаменовки.

— Разве вы действительно верите в это? — Да как же не верить? Что со мной станется, давайте выясним? Разве вы думаете, что — раз, два, три — и я превращаюсь в пыль? А если я не превращаюсь в пыль, тогда несомненно я буду призван к ответу. Я не мыльный пузырь, у меня воля и ум, я жил сознательно и... грешил...

— Я не знаю, Прохор Александрович, как и откуда могла возникнуть среди нас вера в загробную жизнь. Естественно думать, что человек умирает — и вот, все на этом и кончается. Мы видим его недвижимым и недышащим, все это тлеет, так откуда

же может быть мысль о какой-нибудь жизни в таком состоянии? — сказал я, также выражая в точности то, что я чувствовал, выражая те мысли, которые, видимо, ранее возникли во мне и сформировали мое мировоззрение.

— Позвольте, а что же мне делать с Лазарем из Вифании? Это же действительно было, и он тоже был человеком, сделанным из того же праха, что и я.

Я с искренним удивлением взглянул на своего собеседника. Возможно-ли, чтобы этот образованный человек верил в такие невероятные вещи?

И Прохор Александрович в свою очередь с минуту пристально посмотрел на меня, а затем тихим голосом сказал:

— Или вы неверующий?

— Нет, зачем так говорить? Я верю в Бога, — ответил я.

— Но в Божественное откровение вы не верите? Ведь в наше время Бога понимают по-разному, и практически каждый человек начинает переделывать и подлаживать Божественное учение под свои личные нужды, и в этой области устанавливаются всяческие определения: в это вы должны верить, а в это вы можете верить или не верить, а вот в то вам совсем не нужно верить! Как будто бы существует несколько разных истин, а не только одна. И они не понимают, что веря таким образом, они уже верят в плоды своего собственного ума и воображения, и если это так, то тут уже, конечно, нет места для веры в Бога.

— Однако, нельзя верить во все. Иногда встречаются такие странные вещи.

— Иными словами, непонятные? Но нужно их понять. Если это вам не удастся, то нужно признаться, что вина находится в вас самих, и нужно это принять. Начните рассуждать как простой неграмотный человек о квадратуре круга, или об иной какой-либо премудрости высшей математики, и вы увидите, что тоже ничего не поймете в этом, но из этого не следует, что нужно отвергать саму математику. Конечно, отвергать легче всего, но не всегда это... целесообразно.

Подумайте внимательно о том, что вы, по сути, высказали абсурд: вы говорите, что верите в Бога, но что нет жизни после смерти. Однако, Бог не есть Бог мертвых, но живых. Иначе какой же это Бог? Сам Христос говорил о жизни после смерти: разве вы действительно думаете, что Он говорил неправду? Даже Его злейшие враги не могли этого доказать. И зачем же Он тогда приходил и страдал, если вся наша будущность заключается в возвращении в прах?

Нет, это неправильно. Вы должны, вы абсолютно должны, — сказал он с неожиданным возбуждением, — исправить ваше мнение. Вы должны понять

как это важно. Такая вера по новому осветит вашу жизнь, даст ей иную цель, даст совсем иное направление всей вашей работе. Это будет для вас полной моральной революцией. Такая вера возлагает на нас бремя, но одновременно у нас появляется источник утешения и поддержки в нашей борьбе с житейскими бедствиями, которые для всех неизменны.

III.

Я понял всю логику слов Прохора Александровича, но, конечно, несколько минут разговора не смогли внедрить во мне веру в то, во что я привык не верить, а мой разговор с ним в основном лишь способствовал выявлению моего взгляда на некий очень важный вопрос – взгляда, который до тех пор я сам хорошо и не осознавал, т. к. не имел возможности высказать его, а тем менее продумать его.

Мое неверие явно крайне обеспокоило Прохора Александровича; в течение вечера он несколько раз возвращался к этой теме, а когда я собирался уходить, он быстро выбрал несколько книг из своей обширной библиотеки и, дав их мне, сказал:

— Прочтите их, непременно прочтите их, потому-что нельзя это дело оставить в таком состоянии. Я уверен, что вы скоро поймете умом и убедитесь в полном отсутствии основания для вашего неверия, но нужно это убеждение перевести из ума в сердце, нужно чтобы сердце его поняло, а то через час или через день оно испарится и будет забыто, потому-что ум – это сито, через которое проходят разные мысли, но хранилище их не там.

Книги я прочитал, не помню только, прочитал-ли я их всех, но привычка оказалась сильнее разума. Я понимал, что все написанное в книгах было весьма убедительным, и ввиду скудости моих познаний о духовном я не смог привести ни одного серьезного возражения содержащимся в книгах положениям, — но вера, однако, во мне не появилась. Я признавал, что это нелогично, я верил, что все написанное в книгах является истиной, но не было во мне чувства веры, и так смерть продолжала оставаться в моем понимании как абсолютный конец земному бытию, после чего следовало лишь разложение.

К сожалению случилось так, что вскоре после вышеупомянутого разговора с Прохором Александровичем пришлось мне покинуть город в котором он жил, и мы больше никогда друг друга не видели. Не знаю, может быть как человеку интеллигентному и обладающему обаянием сильного убеждения, ему удалось бы, хотя бы в какой-то мере, углубить мои взгляды и мое отношение к жизни и всему вообще, а также внести через это некие поправки в мое представление о смерти, — но будучи предоставлен самому себе, и будучи по природе не особенно серьезным молодым человеком, я никак не интересовался такими занимательными вопросами,

а вскоре, благодаря своей беспечности, я и совсем перестал думать о словах Прохора Александровича, которые касались важности недостатка моей веры и необходимости моего избавления от этого недостатка.

А затем, смена места жительства и встреча с новыми людьми не только изгладили этот вопрос из моей памяти, но и весь разговор с Прохором Александровичем, а также его мысленный образ и мое короткое знакомство с ним.

IV.

Прошло много лет. К стыду своему должен признаться, что морально я очень мало изменился за эти годы. Хотя я был уже человеком прошедшим пол-пути своей жизни, т.е. был пожилым человеком, не было во мне ни капли серьезности ни в моем отношении к самому себе, ни к жизни вообще. Я не понимал смысла жизни, и я жил под предводительством тех же грубых и пустых интересов, того же ложного понимания цели жизни, которыми жило большинство мирских людей моего класса и образования.

Мое отношение к религии тоже не изменилось, т.е. как и прежде, я не был ни атеистом, ни сознательно церковным человеком. Как и раньше, я по привычке время от времени ходил в церковь, по привычке причащался раз в год, по привычке осенял себя крестным знаменем когда полагалось, — и в этом заключалась для меня вся моя вера. Я не интересовался вопросами веры и даже не понимал, что в ней могло быть что-нибудь интересное для меня; конечно, я не имел о ней ничего кроме самых элементарных понятий, но мне казалось, что я все знал и все понимал, и что все это было так просто и безыскусно, что «образованному» человеку нечем было обременять здесь свой ум. Такая наивность доходит до смешного, но, к сожалению, она очень характерна для «образованных» людей нашего времени.

Совершенно очевидно, что с такими проявлениями не могло быть и речи о каком-либо прогрессе в моих религиозных чувствах, или о расширении моего кругозора в этой области.

V.

В этот период моей жизни случилось так, что моя работа привела меня в город К*, где я серьезно заболел.

Ввиду того, что в К* у меня не было ни родных, ни даже слуги, пришлось мне отправиться в больницу. Доктора обнаружили у меня воспаление легких.

Сначала я так хорошо себя чувствовал, что не раз думал о том, что нет нужды мне лежать в больнице из-за такого пустяка; однако, по мере того, как болезнь развивалась и температура стала быстро подниматься, я понял, что с таким «пустяком» было бы неразумно лежать одному в кровати в какой-нибудь гостинице.

Долгие зимние ночи в больнице были мне особо досадны; жар не давал мне спать совсем, иногда невозможно было даже лежать, а сидеть в кровати было и неудобно и утомительно. Мне либо не хотелось, либо я не мог встать и ходить по палате, и так я продолжал крутиться в кровати, ложиться, вставать, спускать ноги и опять поднимать их на кровать, и все это время я чутко прислушивался: когда же зазвонят часы? Я ждал, ждал, а они, казалось, нарочно звонили лишь два или три раза, — это означало целую вечность ожидания до рассвета. И как уныло действует на больного человека общий сон множества людей в тишине ночи! Чувствуешь себя буквально будто на кладбище в обществе покойников.

В той же мере, в какой моя болезнь приближалась к кризису, мне становилось значительно хуже и я себя хуже чувствовал; иногда у меня бывали такие припадки, что обычное неприятное состояние даже не замечалось, и я не замечал утомительного эффекта бессонных ночей. Но я даже и не знаю, чему это приписать: то-ли я всегда был и считал себя очень крепким и здоровым человеком, то-ли я до тех пор ни разу серьезно не болел, и те печальные мысли, которые иногда вызываются серьезными болезнями, были чужды моему уму, — однако, как плохо бы я себя ни чувствовал, как быстро ни наступали припадки моей болезни, ни разу мысль о смерти не приходила мне на ум.

Я с уверенностью ожидал, что сегодня — завтра произойдет перемена к лучшему, и каждый раз, когда из-под руки у меня вытягивали градусник, я нетерпеливо спрашивал — какая у меня температура? Но дойдя до определенного предела, она буквально застыла на месте, и на мои вопросы я постоянно получал ответ: «40 и одна десятая», «сорок один», «сорок и восемь десятых».

— Ах, какой затяжной это процесс! – говорил я разочаровано, а затем спрашивал врача, ожидалось-ли, что мое выздоровление будет продолжаться таким черепашьям шагом?

Видя мою нетерпеливость, врач успокоил меня и сказал, что в мои годы и с моим здоровьем нечело было бояться, что выздоровление будет скорым, что при таких благоприятных обстоятельствах после каждой болезни можно выздороветь в течение нескольких дней.

Я верил этому всей душой и укреплял свое терпение мыслью о том, что нужно лишь как-то дождаться кризиса, и тогда все сразу станет на место.

(Продолжение следует)

(Перепечатано из «Православной Руси», Но. 4 за 1976 год)

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

13-го мая (30-го апреля по старому стилю) Церковь празднует память **святителя Игнатия (Брянчанинова)**.

Святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском Вологодской губернии. Мать родила Дмитрия после продолжительного бесплодия, по горячей молитве и путешествия по святым местам. Детство мальчик провел в уединении сельской жизни, и с ранних лет его тянуло к иноческой жизни. С возрастом его религиозное настроение обнаруживалось все заметнее: оно проявлялось в особенной расположенности к молитве и чтению духовных книг.

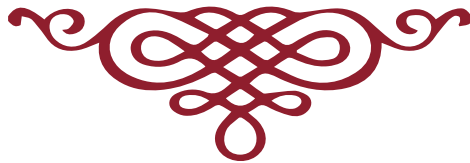
Отец мечтал видеть Дмитрия на государственной службе, и отвез его в Петербург для определения в Главное инженерное училище. Дмитрий учился превосходно, и до самого выхода из училища оставался первым учеником в своем классе. Его способности были самые разносторонние — не только в науках, но и в рисовании и музыке. Но в шуме и суете столичной жизни Дмитрий не изменил своим душевным стремлениям.

Столь же ревностно, как занимался наукой, принялся Дмитрий за изучение древней и новой философии, пытаясь успокоить свое духовное томление, но и на этот раз он не нашел ответа на свои вопросы об Истине и смысле жизни. Тогда Дмитрий обратился к изучению православной веры по писаниям Святых Отцов, святость которых, как и чудесное согласие между ними, стали для него ручательством их верности. Вскоре Дмитрий стал посещать богослужения в Александро-Невской Лавре, где он нашел истинных наставников, понимающих его духовные нужды. Окончательный переворот в его жизни произошел после встречи со старцем Леонидом (впоследствии великим оптинским старцем Львом). Тогда Дмитрий Брянчанинов оставил блеск и богатство аристократической жизни и, вызывая глубочайшее недоумение «большого света», ушел в отставку. Пробыв послушником в нескольких монастырях, он вскоре принял иноческий постриг с именем Игнатий, а затем был назначаем в разные запущенные монастыри и пустыни, которые он неизменно восстанавливал и приводил в цветущее

состояние. Одновременно он занялся писанием духовных сочинений, из которых особенно известны его «Аскетические опыты».

В 1857 году св. Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского, но из-за постигшей его тяжелой болезни (оспы) он смог пробыть на своей кафедре лишь четыре года. В 1861 году святитель Игнатий вышел на покой, и оставшееся время до конца жизни он посвятил работе над духовными сочинениями. Святитель мирно скончался в 1867 году.

УЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О БОЖИЕЙ МАТЕРИ

(Продолжение)

Не должно думать, что догмат о зачатии Божией Матери вне первородного греха (*immaculata conceptio*) есть современная новость у латинян. В настоящее время догмат только принят официально, провозглашен Папой. Бержье, писатель 18-го века, говорит: «По общему верованию католиков (папистов, латинян), *Мария* непричастна никакому греху. Словами *immaculata conceptio* (нескверное зачатие) мы объяснили, что хотя Церковь не решила формально того, чтоб *Мария* была непричастна первородному греху, однако это есть верование, основанное на Священном Предании. По общему мнению католических богословов святая Дева Мария, Матерь Божия, была предохранена от первородного греха, когда Она была зачата во утробе Ее матери. Это верование основано на мнениях Святых Отцов, достойнейших уважения».

Каких же отцов приводит латинский писатель? — одних только латинских, принадлежащих уже отпадшему от Востока Западу. Он приводит Тридентинский собор, определивший в 5-ом заседании, что все дети Адама рождаются оскверненными первородным грехом, но что это определение не распространяется на святую Деву; приводит собор Базельский в 1439-ом году, собор Авиньонский в 1457-ом году, которые признали это учение непогрешительным и принадлежащим Церкви. Определение Базельского собора принято Парижским университетом, вследствие чего богословский

факультет университета постановил в 1497-ом году определение, по которому никто не мог быть удостоен степени доктора, если предварительно не обяжет себя клятвой исповедывать принятый догмат о Божией Матери. Эти факты, нисколько не подтверждая учения папистов для сынов Православной Церкви, показывают только то, что еретическое учение о Божией Матери вкралось, вслед за многими другими, в Западную Церковь более нежели за четыре столетия до нашего времени.

Для подтверждения нового догмата, Бержье в своих статьях приводит двух писателей, принадлежащих вселенской Церкви, Оригена и блаженного Августина, не сказавших впрочем ни слова о новом догмате. Ориген в беседе 6-ой на Евангелиста Луку говорит, что выражение *благодатная* в Писании употреблено только однажды по отношению к одной *Марии*. Но это нисколько не касается нового догмата папистов, а признано всею Церковью. Благодать Божия, как выше нами изложено и объяснено, полученная Приснодевою, несравненно превосходит и по качеству и по обилию ту благодать, которой удостоены прочие святые люди и которую имеют святые Ангелы. Блаженный Августин говорит: «Мы знаем, что Она (Божия Мать) получила обильную благодать к побеждению греха во всех его образах». И эти слова нисколько не подтверждают догмата папистов! Они противоречат ему: нуждается и может получить благодатную силу к побеждению греха только тот, кто имеет внутри себя живущим и действующим грех. Православная Церковь всегда исповедала и исповедует, что Святой Дух снизошел на Деву чистую, соделал чистую Пречистой, чистую по естеству соделал чистой превыше естества, соделал благодатной. Обильное вкушение Божественной благодати отчуждило Деву от плотской сладости, внушило к этой сладости полное и решительное отвращение. Таковой должна была быть Дева — храм Божий, духовное небо, престол Божий, Его святая святых.

Ложная мысль обыкновенно влечет за собой цепь других ложных мыслей. Паписты, признав Божию Мать чуждой первородного греха, признали Ее чуждой всякого греха, вполне безгрешной, следовательно не нуждающейся ни в искуплении, ни в Искупителе. Заграждает уста слепотствующим умом еретиков и фанатиков Сама благодатная Приснодева Богоматерь, исповедуя рожденного Ею Бога Своим Спасителем. Паписты, приписывая Богоматери безгрешие, этим самым выказывают свое недоверие к всемогуществу Божиию. Но Православная Церковь прославляет всемогущество и величие Бога, соделавшего зачатую и рожденную во грехе несравненно высшей херувимов и несравненно славнейшей серафимов, никогда не познававших греха, постоянных в святости.

Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем, произнесла благодатная Дева в ответ Елисавете, когда Елисавета по внушению Святого Духа провозгласила громким голосом, что Приснодева есть Мать Бога. Пресвятая

Мария словами Своими не только заграждает уста папистов, отнимающих у Бога значение для Нее Спасителя, но и заграждает уста протестантов, приписывающих Ей услаждение не в Боге, а в плотском сладострастии. В противоположность догмату папистов протестанты, заклятые враги новозаветного девства, утверждают, что святейший сосуд и храм Божий, — Богородица, — по рождении Ею Богочеловека, нарушила Свое девство, сделалась сосудом похоти человеческой, вступила в брачные отношения с Иосифом, имела других детей. Мысль ужасная! Мысль богохульная! Мысль вместе и скотская и демонская! Она могла родиться только в недрах глубокого разврата. Ее мог произнести и может произносить только отчаянный и отверженный прелюбодей. Ее могут принять и усвоить только те, которые столько ниспали от образа и подобия Божия, что могут иметь понятие о естестве человеческом единственно в его униженном, скотоподобном состоянии.

Лютер, свергший с себя монашество и взявший себе в наложницу монахиню, свергшую монашество — союз Лютера с Екатериною де Барре иначе не может быть понимаем, — вопиет против христианского девства. Вопиют против него вместе с Лютером все протестанты. Они называют девство противоестественным, противным воле, благословию, повелению Бога, Который по сотворении первых двух людей немедленно сказал им: *Растите и множитесь и наполните землю*. Протестантам можно ответить словами Спасителя, сказанными Им саддукеям: *Прельщаетесь, не зная Писания, ни силы Божия*. Протестанты, ссылаясь на вышеприведенные слова, не заметили, что вслед за ними в книге Бытия описано девство первых двух людей, в котором они пребывали до падения, не понимая даже наготы своей; что они поняли эту наготу и ощутили стыд, — признак явившегося вожделения, — после падения; что настоящие отношения жены к мужу и ее болезни при чадорождении изречены как казнь за преступление Божией заповеди.

Православная Церковь признает девство естественным человечеству, признавая собственно естеством человеческим то естество, в котором он был сотворен. Состояние падения, в котором ныне находится все человечество, есть состояние неестественное, нижеестественное, противоестественное. Но, т.к. все человечество объято недугом падения, то это состояние общего недуга можно назвать естественным падшему человечеству. Так свойства недуга естественны состоянию в недуге, но они неестественны здоровому состоянию. В таком случае — мы согласны — девство уже неестественно человечеству. По этой причине весьма, весьма немногих девственников между праведниками Ветхого Завета: и патриархи и большая часть пророков должны были подчиниться игу супружества.

Господь наш Иисус Христос, восставив падшее человеческое естество, восстановил и девство. Сам Он был, по человечеству, всесвятым девственником; Его Мать была благодатной, Пречистой Девой. Девство, естественное естеству человеческому

в первобытном состоянии естества, неестественное естеству падшему, возвращено, как дар, естеству обновленному Спасителем. Новозаветное девство есть дар Божий, даруемый Господом, как Сам Господь сказал о девстве: *Не все вмещают слово сие, но кому дано*. Дается дар преподобия (т.е. нравственного состояния, наиболее сходного с тем, которое явил Собой Господь наш Иисус Христос) тем, которые желают его всем сердцем, и испрашивают у Господа теплейшими молитвами. Неестественно девство падшему человечеству, а потому оно никак не может быть получено одними собственными усилиями: собственные усилия только укрощают плоть, а истинное девство — дар Божий, вследствие постоянной, усерднейшей, часто весьма долговременной молитвы. Истинное девство заключается не в одной лишь телесной чистоте, но преимущественно заключается в отчуждении ума от сладострастных помыслов и мечтаний.

Ум неспособен сам собой совершить отречение от греха, если не осенит его Божественная сила. Борьба ума со грехом составляет тот величайший труд, при котором подвижник проливает множество горьких слез, выпускает множество глубоких и тяжелых вздыханий, умоляя о помощи и заступлении свыше. Когда сердце вкусит сладость духовную, тогда только оно может отторнуться от услаждения плотской сластью, т.к. сердце не может пребывать вообще без наслаждения. «Любовь отражается любовью, и огонь угашается огнем невестественным», — сказал святой Иоанн Лествичник. Бесчислен собор девственников и дев в новозаветной Церкви милостью и щедротами Спасителя нашего; но они перешли в состояние девства, доказав постоянной, тяжелой и продолжительной борьбой с вожделениями плоти свое искреннее желание девства.

Но Божия Мать борьбы с плотскими пожеланиями не вкусила и не познала: прежде нежели возникло в Ней вожделение, снизошел на Нее Святой Дух, запечатлел Ее чистоту, даровал Ей благодатную чистоту, даровал Ей духовное наслаждение, к которому прилепилось Ее сердце и от которого оно уже никогда не отторгалось. Святая Церковь называет Богородицу Христовой одушевленной книгой, которую запечатлел Дух.

Протестанты видят основание своему учению в Евангелии. Евангелист Матфей, полагаят они, повествуя об отношениях Богородицы и Иосифа, обручника Богородицы, говорит об Иосифе, что он не совокуплялся с Девой только до рождения Ею Богочеловека, а это служит указанием на совокупление впоследствии. Подлинные слова Евангелиста, приводимые протестантами к подкреплению их мнения, суть следующие: *И не знаяше Ее, дондеже роди Сына Своего Первенца..* Хулители основывают свое заключение на слове *дондеже*, выражающем по мнению их воздержание до срока, а также на слове *первенец*, подающем мысль о дальнейшем деторождении; по свойству русского языка вышеприведенный стих Евангелия со всей точностью

может быть переведен так: *Иосиф же не знал Ее, и Она родила Сына Своего первенца*. Очевидно, что слова: *Иосиф же не знал Ее* относятся ко всему времени пребывания Божией Матери в доме Иосифа.

Если рассмотреть внимательно повествование Евангелиста Матфея о рождении Господа нашего Иисуса Христа, то делается тотчас очевидным, что Евангелист употребил все тщание на то, чтобы показать с ясностью и точностью рождение Богочеловека от Девы, без мужского семени. Для этого Евангелист объясняет, что Дева, обрученная мужу, не познав мужа, оказалась имеющей во чреве от Святого Духа: для этого Евангелист приводит свидетельство Ангела, явившегося во сне Иосифу и удостоверившего, что плод во чреве Девы от Святого Духа; для этого Евангелист приводит Пророка, предвозвестившего, что Дева зачнет и Дева родит Сына, Спасителя миру; для этого, говоря уже о самом рождестве Богочеловека, Евангелист показывает, что Мария родила Его, будучи Девой, как и зачала, будучи Девой. Обстоятельства, касавшиеся собственно лица Богоматери и не составлявшие главного предмета, который был описываем Евангелистом, оставлены им без отчетливого объяснения. Такой же характер имеет и повествование Евангелиста Луки о рождении Христовом. Умалчивая о недоумении Иосифа, о явлении ему Ангела во сне, святой Лука поведает о пришествии Архангела Гавриила к Божией Матери с радостнейшим благовестием от Бога и зачатии и рождении Ею Сына Божия, повествует о том, что Елизавета от действия Святого Духа узнала в Марии Матерь Божию. Святой Лука также, как и Матфей, называет Марию Девой, обрученной мужу, а рожденного Ею Богочеловека Ее Сыном – Первенцом. Подробного изложения обстоятельств, касавшихся собственно Девы, святым Лукой не сделано; только косвенным образом явствует из его повествования, как выше было сказано, безболезненность Девы при рождении Богочеловека. И так тщетно ищут протестанты опоры хуле своей в Евангелии!

Святые Отца Православной Церкви видят в вышеприведенных словах Евангелиста Матфея мысль совершенно противоположную мысли протестантов, — видят свидетельство, что Богоматерь, зачав Богочеловека Девой, пребыла по зачатии Девой, родила Девой, по рождестве пребыла Девой, осталась навсегда Девой. «Приснодева, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — и по рождестве пребывает Девой, не имев до смерти никакого общения с мужем». Хотя и написано, *и не знаяше Ее* (Иосиф) *дондеже роди Сына Своего Первенца*, однакоже должно знать, что *первенцем* называется перворожденный, хотя бы он был и единородный. Имя первенец означает того, кто первый родился, и не обязательно указывает на рождение других. А слово *дондеже*, хотя и означает срок определенного времени, однакоже не исключает и последующего за тем времени. Так слова Господни: *И се Аз с вами есмь во вся дни до (дондеже) скончания века*, не означают того, будто Господь по скончании века

разлучится с нами. Здесь слово *дондеже*, хотя само по себе означающее определенный срок, имеет совершенно противоположное значение.

В притче о должниках Господь сказал: *Не изыдеши оттуду* (из адской темницы) *дондеже воздаси последний кодрант*. Известно, что адские муки вечны: слово *дондеже*, здесь употребленное, значит, что заключенный в адскую темницу никогда не выйдет из нее, не имея возможности отдать долга греховного, уплата которого производится только во время земной жизни добрыми делами во Христе и очищением согрешений посредством покаяния. О вороне, которого выпустил Ной из ковчега, сказано: *И изшед не возвратися, дондеже иссяче вода из земли*; ворон же вовсе не возвращался в ковчег. Священное Писание говорит: *Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя в подножие ног Твоих*; здесь слово *дондеже*, означающее срок, опять употреблено для означения бессрочного, бесконечного времени. Очевидно, что пребывание вочеловечившегося Сына по правую сторону Отца, чем означает высшее состояние славы, не ограничится тем временем, которое будет употреблено на низложение врагов Богочеловека, — падших ангелов и нечестивых человеков, — но будет продолжаться бесконечно во веки веков. Слово *дондеже* имеет по отношению к Деве то же значение, какое оно имеет по отношению к письменному закону, данному Богом. *Иота едина*, — сказал Господь, — *или едина черта не преидет от закона, дондеже вся будут*. Закон запечатлется исполнением его, и пребудет вечно запечатленным, как исполненный: Дева запечатлела Свое девство рождением Бога-Слова, и осталась навсегда Девой, будучи запечатлена рождением Бога. *И не знаяше Ее (Иосиф), дондеже роди Сына Своего Первенца*: «это значит, — говорит блаженный Феофилакт Болгарский, — что Иосиф никогда не прикасался Ей, ни прежде рождения, ни по рождении.»

Оба Евангелиста с очевидною, особенною целью указывают на то, что Богочеловек был *Первенец*. Иудеи, которым обетован был Мессия, по этой причине особенно уважали чадорождение, а неплодство женщины презирали; по этой же причине они особенно уважали первенца между чадами, т.к. один из первенцев, по мнению их, должен был быть ожидаемый Мессия. Вот тот вожделенный и преславный *Первенец*, говорят Евангелисты, который удовлетворил желаним и ожиданиям! После рождения Его уже нет причины бесплодию женщины быть ей бесчестьем, а раждаемым впредь первенцам пользоваться особенным значением. Отселе слава переходит от супружества к девству, потому-что ожидаемый Первенец — Девственник, и родился от Девы, сохранив Ее при рождении и по рождении Девой.

(Продолжение следует)

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Еще стояла ночь в небесном ожиданьи,
Предвечных тайн и мук земных полна,
И сонмы звезд текли в безбрежность мирозданья
И звездная мерцала тишина.
Еще небесных лир созвучия молчали,
Но уж коснулась струн незримая рука,
И звездною тропой шел ангел в мир печали,
Чтоб радость возвестить земле на все века.
И ангел снял печать преступного совета,
И камень отвалил от двери гробовой.
Был лик его, как солнце в блеске света,
Был зрак его, как молнии грозовой.
Христос Воскрес! — услышал мир впервые
Бесплотных сил невыразимый звук...
И над тобой, земля, колокола ночные
Христос Воскрес! с тех пор всегда поют...

— В. Утренев

